

УДК 94 (703) «1921/1939»

И.И. Вавренюк

менеджер ООО «Инвест-Сафир»

e-mail: irisha7474@mail.ru**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
ЕВРЕЕВ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)**

Художественная культура евреев формировалась на протяжении столетий, занимала одно из значимых мест в культуре Западной Беларуси. Ярче всего в 1921–1939 гг. она проявилась в синагогальном искусстве, искусстве мацев, светской живописи, графике, скульптуре, книжной миниатюре, искусстве афиш и плакатов, декоративно-прикладном искусстве. Художественная культура евреев представляла собой синтез светскости и религиозной традиции. В статье анализируется состояние еврейской художественной культуры Западной Беларуси в 1921–1939 гг. На основе анализа ряда источников сделана попытка отображения целостной картины развития художественной культуры евреев в западнобелорусском регионе, выявления главных тенденций развития. Преимущественное развитие определенных форм художественной культуры было обусловлено спецификой общественно-политической и социально-экономической жизни общества.

Введение

Исследования художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) имеют фрагментарный характер. В ряде работ рассмотрены различные аспекты культуры евреев региона: музыкальной (Д. Слепович [1], Хаздан Е. [2], Т. Вашкевич [3]), театральной (Н. Царюк [4]), кино (Т. Касатая [5]), декоративно-прикладного искусства (А.И. Локотко [6]). Комплексный подход к рассмотрению еврейской культуры в контексте культурной жизни Западной Беларуси (1921–1939 гг.) содержится в работе А.Н. Вабищевича [7]. В работе А.И. Локотко сделан анализ материального наследия евреев Беларуси в европейском контексте [8].

Несмотря на значимость рассматриваемой проблемы она пока не была предметом фундаментального научного исследования. В силу этого задачами данного исследования являются: 1) анализ источников по теме; 2) выявление основных тенденций развития художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.); 3) определение специфики развития художественной культуры евреев региона.

Сакральное искусство

В рамках религиозной традиции оставалось искусство синагог и мацев, декоративно-прикладное искусство. Одним из определяющих признаков существования еврейской общности определенного региона Польского государства являлось основание еврейской религиозной гминой синагоги (иудейского молитвенного дома) [9, s. 84]. Топография синагог определялась демографическим и экономическим факторами. Богатые религиозные еврейские гмины возводили новые и реставрировали старые синагоги (божницы). Для евреев храмы были не просто зданиями для совместного чтения Писания и вознесения молитв, но символами еврейского духовного единения, преемственности поколений, верности традициям. Во внутреннем устройстве синагоги существовали обязательные традиционные атрибуты: арон га-кодеш (место для хранения свитков Торы), бима (возвышение в центре синагоги, с которой читают Тору), тива (амуд, шкаф, плита, перед которой стоит ведущий молитву), стулья или скамьи для моля-

Научный руководитель – А.Н. Вабищевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

щихся и шкафы для книг [10, s. 204–205]. Многочисленные традиции строительства и декорирования опирались на священные тексты ТАНАХа, Талмуда, преданий, нововведения духовных лидеров, раввинов [11, s. 17]. В 1921–1939 гг. были отреставрированы некоторые синагоги в городах Слоним, Пинск и др. [12, л. 12]. Стили ранее построенных синагог западнобелорусского региона разнообразны (готика, эклектика, модерн, барокко и др.), но особой красочностью отличались синагоги стиля барокко (Слонимская главная синагога и др.) [13, с. 45–47]. Синагога в Ошмянах выделялась неповторимым для региона астрологическим декором с фресками, изображающими знаки зодиака и имитацией звездного неба [14, с. 45–46]. На выбор стилистики синагог региона повлияли европейская архитектура, еврейские и местные строительные традиции. Синагоги региона по всем характеристикам являлись ашкеназскими; они представляли собой объекты искусства с широким и многоуровневым комплексом символики декоративного ансамбля (народного, традиционного, профессионального). Декор синагог традиционно включал различные символы: Маген-Давид на щите и таблицы с заповедями (Декалог), семисвечник, лев, доски со словами молитвы и изречениями, растительный и геометрический декор.

Интерьеры синагог богато украшались деревянной резьбой и художественной ковкой с растительными и животными мотивами (Волпа, Пинск и др.). Бима украшалась резными столбиками, соединенными перилами, решетками с балясинами и кружевным карнизом. Резными подзорами украшались балконы и внутренние карнизные пояса [8, с. 135]. Декоративно-прикладное искусство развивалось в рамках сакрального искусства с целью обеспечения ритуала как в синагоге (божнице), так и в быту. Значимая часть ритуальных предметов была выполнена из серебра. Так, например, в «Списке имущества Большой синагоги в Бресте» в 1933 г. значились 33 серебряных ритуальных предмета. Кроме этого в «Списке» значились футляры для свитков ручной работы с вышивкой, деревянное кресло Илии и резной деревянный шкаф [15, л. 100–101]. Вышеупомянутые предметы представляли собой высокохудожественные произведения декоративно-прикладного искусства, выполненные с соблюдением древних традиций.

В быту для проведения обрядов и ритуалов евреи использовали предметы, которые, как правило, передавались из поколения в поколение: менора (ритуальный семисвечник), ханукия (светильник, который зажигают на праздник Хануки), серебряные кубки, блюда для седера (ритуальная семейная трапеза в Песах) и др. [16, с. 47–48]. Народное декоративно-прикладное искусство (вышивка, вырезки из бумаги, изделия из кожи и др.) содержало декоративные мотивы (менора, корона, лев и др.), нанесенные на кипу (головной убор), талит (молитвенное покрывало), праздничные субботние салфетки, которые подчеркивали национальную принадлежность.

Развитие скульптуры

Чисто в рамках религиозной традиции оставалось искусство еврейских надгробий, представленное двумя основными типами: мацевы (стелы) и охели, или огели, (саркофаги). Формообразующей основой многих стел являются скрижали Завета, формы арки, портала [17, с. 11]. Каждая мацева представляет собой определенную композицию эстетического и смыслового компонентов. На основе анализа эпитафий мацев западнобелорусского региона можно выделить их следующие традиционные составляющие: вступительная формула «по нитман» («здесь покоится»), имя усопшего и имя его/ее отца), эвлогий (благославление), дата смерти по еврейскому календарю, завершающий эвлогий «Да будет душа его завязана в узле жизни» (зачастую в виде аббревиатуры – как символ еврейской эпитафии). Эпитафия, как правило, состояла из имени, имени отца, 1–2 лестных эпитетов, буквенной даты смерти с указанием дня, месяца и года по еврейскому календарю. Практически все формулы и образы заимствованы из талму-

дических трактатов еврейских текстов и молитв. На эпитафии был указан тип летоисчисления – ли-фрат катан (с ивр. – «по малому счету») – традиционный еврейский способ обозначения даты от сотворения мира, при котором не указывают тысячелетие. Исследователь З. Чечик в изобразительной пластике стел выделил две тенденции: отвлеченно-декоративно-символическую (содержащую только орнаментальные и орнаментально-символические мотивы); сюжетно-декоративно-символическую (включающую символические объекты и декор) [17, с. 11]. Согласно религиозным предписаниям и обычаям на надгробиях были помещены освященные традицией изображения, мотивы которых черпались из животного (львы, олени, медведи, птицы и т.д.) и растительного (лулав – ветвь ивы, этрог – цитрусовый фрукт, корзины с плодами, виноградные гроздья, лоза и т.п.) мира. Символы, веками повторяющиеся в еврейском надгробном искусстве: благословляющие руки когенов, или коэнов, – иудейских священнослужителей, приносивших жертвы, потомков Аарона; кувшин левитов (представителей колена Левия), менора (семисвечник), шофар (еврейский духовой ритуальный музыкальный инструмент из рога животного), ханукия и др. [18, с. 171–188]. Искусство надгробий оставалось сугубо в рамках традиции ашкеназского еврейства. Модернистского влияния в искусстве мацев не отмечено. В целом своим декором еврейские надгробия были тесно связаны с другими видами искусства евреев и составляют с ними единый комплекс сюжетов и форм.

В мастерских изготавливались и светские памятники, но это не было распространенным явлением. При их создании соблюдались традиционные требования (отсутствие изображения человека (кроме рук), надписи на иврите или идише и др.). Так, например, в архивных документах отмечен факт установки в центре Гродно памятника Ехи Гринберг 5 мая 1936 г. гродненской еврейской религиозной гминой при поддержке польских властей [19, л. 1–4].

Диалог традиции и модернизма

Центром светской еврейской культуры был город Вильно, часто называемый «Литовским Иерусалимом». В 1927 г. в городе было организовано объединение молодых писателей, поэтов и художников «Юнг Вилне», которое благодаря своей активной работе стало известно на весь мир. В Западной Беларуси своих ярких художников было мало, вследствие чего благодаря сохранению ранее налаженных культурных связей на экспозициях доминировали произведения еврейских художников из других регионов. Только в Вильно действовала постоянная выставка живописных, графических и скульптурных работ. Например, в 1933 г. там были представлены художественные произведения белорусских, польских и еврейских художников (Р. Розенталя, Р. Суцкевер, Т. Шванебаха, Б. Залкинда, Ш. Эфрона и др.). Всего было выставлено 173 произведения 31 автора; работы еврейских художников: «Бурса», «Дождь», «Париж», «Улица в ночи», «Замковая гора», «Старая мельница», «Лес», «За городом» Залкинда Бера, «Портрет п. С», «Портрет женщины» Йозефа Кагана и др. – выполнены преимущественно маслом [20, л. 1–3].

С целью популяризации еврейского искусства проводились передвижные выставки в различных городах и местечках. Организацией передвижных коллективных выставок занимались организации, созданные в Польше (Общество по популяризации изобразительного искусства на территории Польши и др.). Например, в июле–сентябре 1924 г. кружок учащихся евреев «Auxillium Academicum Iudaicum» совместно с Обществом по популяризации изобразительного искусства на территории Польши организовал «Еврейскую коллективную выставку картин», где были представлены работы 20 художников из Парижа, Берлина и городов Польши (работы В. Браунера, Х. Берлеви, А. Блауфукса, Ф. Фридмана и др.) [21, л. 17–22].

Среди популярных жанров еврейских художников Западной Беларуси необходимо назвать бытовой, портретный жанры, городской пейзаж, религиозную тематику. Были представлены направления экспрессионизма, импрессионизма, абстракционизма, в значительной мере проявлялись тенденции символизма и футуризма, слабее – кубизма и конструктивизма. Еврейская светская живопись соответствовала основному направлению периода – авангардизму. Еврейская идентичность отражалась как в сюжетах работ, так и в самом пластическом языке искусства. Чаще всего в творчестве еврейских художников Западной Беларуси встречаются социальные портреты, типажи старых евреев, традиционные мотивы (свадьба, бар мицва (день совершеннолетия у евреев), похороны и др.). В мужских портретах часто отражался социальный статус персонажа: к примеру, картины «Стекольник» Х. Берлеви, «Прачка» А. Гутермана, «Торговка» Х. Ханфта, «Талмудист» М. Каца, «Водонос» А. Минтшина [21, л. 18–21], – что свидетельствует о сильном влиянии витебской школы искусства, где ранее учился ряд художников. В творчестве еврейских художников, покинувших традиционную еврейскую общину, ярко прослеживается светская тенденция искусства при сохранении традиционной системы еврейских символов (лев, корона, менора и др.). Еврейские художники, как правило, по материальным причинам совмещали живопись с какой-либо другой работой, которая позволяла им выжить, но не имела ничего общего с искусством. Это обстоятельство объясняет малое количество работ мастеров, небольшое количество выставок, отсутствие персональных выставок и художественных галерей. Для большинства еврейских художников западнобелорусский регион являлся родиной, местом получения первоначального образования и жизненного опыта. Потом они уезжали за рубеж: во Францию, США и др., – где делали карьеру (Мордехай Авниэль, Михаэль Левин и др. [22, с. 66–83]).

Тесно связанной с живописью являлись графика и книжная миниатюра. Издательскими центрами были города Вильно, Гродно, Брест и др. По сравнению с довоенным периодом издательская деятельность составляла около 55 % прежних объемов [23, с. 128]. Наиболее крупными издательствами в Вильно были издательства Б. Клецкина и Левина. Типография Б. Клецкина работала с 1911 г. и специализировалась преимущественно на издании еврейской литературы [24, с. 90–91]. Художники иллюстрировали издаваемые библейские легенды (Книгу Иова, Книгу Руфь, Песнь Песней и др.), произведения классических идишских авторов (Переца, Менделе Мойхер-Сфорима и др.), учебники, детские книги и др. В своих произведениях мастера прибегали к символике народного языка и народной литературы: чаще всего изображали растительные мотивы, льва, корону, менору, венец Торы, использовали графические возможности еврейского письма, шрифта и фольклорные мотивы. Аналогичные тенденции прослеживались в иллюстрировании еврейских журналов и газет.

Еврейский кинематограф

Еврейский кинематограф как часть мирового переживал в 1920–1930-е гг. бурное развитие. В Польше в 1921–1939 гг. снимали кино на идише на еврейскую тематику: «Диббук» (1937) по одноименной пьесе Анского (режиссер М. Вашински); «Мамеле» (1938) (режиссеры Й. Грин, К. Том) и др. [25]. Только в 1937 г. в Польше на идише было снято 23 фильма [26, с. 333].

Кинотеатры региона были двух типов: стационарные и передвижные. Стационарные кинотеатры располагались в городах и местечках Западной Беларуси: 4 в Бресте [27, л. 8], 3 в Гродно [5, с. 354–370], по 1 в Пружанах и Столине, 2 в Пинске [28, л. 8–17]. Еврейских кинотеатров было сравнительно немного (Абрама Сарвера в Бресте [27, л. 8], Абрама Эбрама в Кобрине, «Полония» М. Бланштейна, «Пан» Давида Бломберга, «Утеха» Бенямина Мардера – в Гродно [5, с. 361–370]), но они играли значимую роль

в культурном развитии региона [29, с. 92]. Анализ проката еврейских кинотеатров Полесского воеводства за 1935 г. мало отличался от остальных кинотеатров и позволяет также выделить предпочтение иностранным фильмам (89 %) [28, л. 8–147]. Так, например, в кинотеатре А. Сарвера в Бресте показывали «Любовь Тарзана», «Секрет женщины», «Белла Донна», «Кариока», «Бунт в Шанхае», «Семья Ротшильдов» и др. Необходимо отметить, что фильмов на еврейскую тематику было показано сравнительно немного: «Семья Ротшильдов», «Диббук» и др. [28, л. 13–149]. Сохранившиеся афиши характеризуют работу еврейских художников, где постоянно присутствуют еврейские типаж, символы меноры, идишский шрифт и т.п. [25].

В тесной взаимосвязи с киноискусством развивалась фотография. Популярными были фотокадры из кинофильмов, театральных постановок, фото популярных актеров и актрис. Фактически в каждом городе и местечке было несколько еврейских фотоателье, которые обслуживали население. Кино и фотография представляли собой явления модернизации еврейской культуры при сохранении традиционной символики и тематики.

Десакрализация музыки и театра

В 1921–1939 гг. музыкальная культура евреев существовала в различных формах: сакральная музыка, искусство канторов, светская музыка, музыка хасидов, фольклор. Если ранее музыкальная культура евреев Западной Беларуси рассматривалась только в двух формах: вокальной (синагогальное пение, искусство канторов, бытовое пение) и инструментальной (искусство клезмеров), – которые фактически не пересекались, то в 1921–1939 гг. произошли некоторые изменения. Широкое распространение в синагогах органов, хоров, приглашенных канторов и руководителей хоров, заимствование интонаций и мотивов – все это сделало сакральную музыкальную культуру более открытой. Стали создаваться музыкальные композиции, стиль которых был почти полностью сориентирован на западноевропейскую музыку, хотя их тексты писались на иврите и идише. Синагогальная музыка обогатилась, впитав черты светской европейской культуры. В целом еврейская традиционная музыкальная культура перестала быть закрытой [30, с. 169–171]. Искусство канторов достигло в 1921–1939 гг. своего особого расцвета, а традиционная литургия претерпела ряд изменений. Религиозная музыка не ограничивалась только литургической практикой, а постоянно звучала на праздниках: обрезание, свадьба, Пурим и др.

На стыке сакральной и народной музыки существовала музыка хасидов (религиозного направления в иудаизме), число приверженцев которого на территории западнобелорусского региона было значимым. Молитвенная практика хасидов сопровождалась характерным пением без слов, мелодиями (нигунами). Отличительной чертой этой музыки было заимствование фрагментов молитв, литургических текстов (Псалмы, Песнь Песней, Книги Пророков) в сочетании с типично еврейскими мотивами, в результате чего они напоминали популярные марши, польки и др. Часто в музыке хасидов появлялись славянские мотивы; использовались библейские, молитвенные древнееврейские тексты, иногда припевки на идише и иврите, а также на белорусском и польском языках. Популярными были песни застольные, эйфоричные, радостные, полные оптимизма [31, с. 119–121].

Основными носителями народной музыки были клезмеры, в местечках наблюдался расцвет клезмерского искусства. Клезмерские ансамбли постоянно сопровождали свадьбы и иные мероприятия [2, с. 340]. Можно выделить три репертуарные группы клезмеров: 1) собственные фантазии, импровизации; 2) мелодии нееврейского происхождения (в основном белорусские и польские); 3) еврейские народные и религиозные песни [1, с. 460]. Музыкальная культура хасидов и клезмеров ощутила наибольшее влияние славянского окружения.

Анализ мероприятий, которые проводили различные еврейские учреждения, позволяет выделить музыкальное сопровождение как их обязательную составляющую, причем исполнялась музыка западноевропейских и еврейских композиторов (Шуберта, Бетховена, Мендельсона, Шопена и др.). В 1924 г. музыка евреев получила свое институциональное воплощение в связи с открытием Еврейским обществом поддержки искусства в Вильно Еврейского музыкального института (ЕМИ), который до 1940 г. являлся единственной в Европе консерваторией с преподаванием на идиш.

Театральная деятельность евреев была обусловлена спецификой их расселения, особенностями межкультурных коммуникаций в западнобелорусском регионе, наличием организационных центров, сложившимися традициями. В 1920 г. было создано Виленское еврейское театральное общество – своеобразный еврейский театальный центр Западной Беларуси. Оно занималось учреждением театральных студий, изданием газет, журналов, организацией лекций и докладов по развитию театрального искусства в регионе [4, с. 262]. Однако, не имея достаточного количества финансовых средств, четкой организационной структуры, Виленское еврейское театральное общество не смогло стать координирующим центром для евреев на территории всей Западной Беларуси и ярко проявило себя лишь в Виленском воеводстве.

Еврейское театральное искусство – это деятельность стационарных и передвижных, самодеятельных любительских и профессиональных, светских, культовых, народных и музыкальных театров, театров марионеток. Из-за немногочисленности стационарных театров, что было обусловлено материальными и кадровыми проблемами, популярностью пользовались представления передвижных театров. Массовый характер приобрела народная театральная деятельность, которая была связана с культуротворческой работой еврейских общественных, просветительских и молодежных организаций. Театральное творчество также было представлено в форме традиционных религиозных постановок на Песах, Хануку, Пурим, Симхат-Тора. Знаковым стало учреждение Еврейского научного института (ИВО), широкое участие женщин в театральной жизни. Еврейское кино и театральное искусство постоянно обогащались достижениями мирового искусства.

Заключение

Художественная культура евреев Западной Беларуси (1921–1939) представляла собой открытую систему, которая продолжала развиваться, взаимодействуя с другими культурами, модернизировалась в соответствии с основными тенденциями развития мировой культуры.

Модернистского влияния в искусстве синагог, мацев и декоративно-прикладного искусства не наблюдалось. Наиболее авангардной была живопись еврейских художников Западной Беларуси, представленная такими направлениями, как экспрессионизм, импрессионизм, абстракционизм, в значительной мере проявлялись тенденции символизма и футуризма, слабее – кубизма и конструктивизма. Еврейская светская живопись соответствовала основному направлению периода – авангардизму. Еврейская идентичность отражалась как в сюжетах работ, так и в самом пластическом языке искусства.

Кино и фотоискусство представляли собой модернизированные явления еврейской культуры при сохранении традиционной символики и тематики. Десакрализации подверглась и музыка евреев. Особенно выраженными были две тенденции: сохранение традиционного и бурное развитие модернистского начал. Причем динамичное развитие светской культуры не вступало в конфликт с системой еврейских традиций.

Все виды еврейской художественной культуры были тесно взаимосвязаны и составляли единый комплекс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слепович, Д. Песни на идише в первой половине XX века: эволюция музыкального жанра / Д. Слепович // От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры. – М. : Книжники : Текст, 2009. – С. 459–471.
2. Хаздан, Е. Музыка и музыканты в еврейской и белорусской свадьбе / Е. Хаздан // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. – М., 2012. – С. 338–356.
3. Вашкевич, Т. А. Еврейские музыкальные традиции в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX в. / Т. А. Вашкевич // Актуальные проблемы мировой художественной культуры : в 2 ч. / редкол.: Т. Г. Барановская (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2012. – Ч. 1. – С. 244–245.
4. Царюк, Н. Национальные театры на территории Западной Беларуси / Н. Царюк // Шлях да узаемнасці = Droga ku wzajemności : матэрыялы XVIII Міжнар. навук. канф., Гродна, 15–16 лістап. 2012 г. / рэдкал.: Я. Панькоў, І. Папоў, Э. Ярмусік. – Ліда : Лід. друк., 2014. – С. 261–265.
5. Касатая, Т. Кінатэатры як публічная прастора Гародні ў 1930-я гг. / Т. Касатая // ARCHE Пачатак. – 2014. – № 11 (132). – С. 354–370.
6. Лакотка, А. І. Драўлянае сакральна-манументальнае дойлідства Беларусі / А. І. Лакотка. – Мінск : Беларусь, 2003. – 224 с.
7. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст, 2010. – 356 л.
8. Локотко, А. И. Архитектура европейских синагог / А. И. Локотко. – Минск : Ураджай, 2002. – 156 с.
9. Klugman, A. Żyd – co to znaczy? / A. Klugman. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2003. – 223 s.
10. Bergman, E. Architektura synagog / E. Bergman // Studia z dziejów Żydów w Polsce : w II t. – Warszawa, 1995. – T. I. – S. 204–205.
11. Piechotek, M. Bramy nieba: bożnice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej / M. Piechotek, K. Piechotek. – Warszawa : Krupski i S-ka, 1999. – 480 s.
12. Переписка с еврейскими религиозными обществами об открытии и реставрации молелен, планы и проекты последних (21 декабря 1931 г. – 28 июня 1932 г.) // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 1302.
13. Захаркевіч, С. А. Традыцыйная культура этнічных меншасцей Беларусі ў XIV–XVIII стагоддзях / С. А. Захаркевіч // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 10. – С. 45–47.
14. Хейфец, М. Еврейское наследие Белоруссии / М. Хейфец // История евреев на Украине и в Белоруссии. Экспедиции. Памятники. Находки : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Дымшиц ; Петерб. евр. ун-т. – СПб., 1994. – С. 45–46.
15. Отчеты, бюджет Брестской еврейской религиозной гмины и переписка с ней по вопросам финансово-хозяйственного характера (17 сентября 1928 г. – 6 июня 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309.
16. Корн, И. Иудаизм в искусстве / И. Корн. – Минск : Белфакс, 1998. – 128 с.
17. Чечик, З. Мацевы / З. Чечик. – М. : Дом евр. кн., 2005. – 167 с.
18. Евреи в меняющемся мире : материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16–17 сент. 2003 г. / под ред. Г. Брановера и Р. Фербера. – Рига : Центр изучения иудаики Латв. ун-та, 2005. – 484 с.
19. Документы и фотоснимки об открытии памятника Гринберг Ехе (10 сентября 1935 г. – 7 мая 1936 г.) // Государственный архив Гродненской области. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 130.

20. Праграма выставы жывапісных, графічных і скульптурных работ у г. Вільня за 1933 г. // Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 3с. Оп. 1. Д. 302.

21. Циркуляры Полесского воеводского управления о ратификации туристской польско-чехословацкой конвенции; заявления жителей Брестского повета и общественных организаций о разрешении на организацию зрелищ, аттракционов и др. // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 595.

22. Иоффе, Э. Белорусские евреи в Израиле / Э. Иоффе. – Минск : Ковчег, 2000. – 208 с.

23. Фришман, В. Промышленность Западной Беларуси / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. Акад. наук, 1934. – 133 с.

24. Луцкевіч, Л. А. Вандроўкі па Вільні / Л. А. Луцкевіч. – Вільня : Рунь, 1998. – 157 с.

25. National Center for Jewish Film at Brandeis University in Massachusetts. National Center for Jewish Film [Electronic resource]. – Mode of access: www.jewishfilm.org/. – Date of access: 10.03. 2016.

26. The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Preface to the Print Edition by Gershon David Hundert : 2 Vol. – New Haven : Yale University Press, 2008. – Vol. I. – 1170 s.

27. Список учреждений и предприятий с указанием их местонахождения в г. Бресте // ГАБр. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 3079.

28. Списки фильмов, демонстрировавшихся в кинотеатрах Полесского воеводства за 1935 год // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 8. Д. 335.

29. Войтещик, А. С. Местечки Западной Беларуси (1921–1939 гг.): социально-экономическое и культурное развитие : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. С. Войтещик. – Гродно, 2013. – 203 л.

30. Вавренюк, И. И. Музыкальная культура евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Искусство глазами молодых : материалы VIII Междунар. (XII Всерос.) науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 14–16 апр. 2016 г. / Краснояр. гос. ин-т искусств. – Красноярск : КГИИ, 2016. – С. 169–171.

31. Żytka, M. Psalmista – Klezmerzy – 3000 lat muzyki żydowskiej / M. Żytka // Po żydowsku... Tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze / pod red. D. Kalinowskiego. – Słupsk, 2005. – S. 117–136.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vavrenyuk I.I. Development Tendencies of Jews' Artistic Culture in Western Belarus (1921–1939)

The Jewish artistic culture was formed over the centuries and occupied one of the most important places in the culture of Western Belarus. In 1921–1939 it appeared in synagogue art, secular painting, drawing, sculpture, book miniatures, art posters and banners, decorative-applied art. Jewish artistic culture was a synthesis of secularism and religious tradition. The article analyzes the state of Jewish artistic culture of Western Belarus in 1921–1939. Based on the analysis of a number of sources, an attempt is made to display a holistic picture of the development of Jewish artistic culture in the Western Belarusian region, to identify the main development trends. The predominant development of certain forms of artistic culture was due to the specificity of the socio-political and socio-economic life of society.